

Шамба Балинов.

Из истории Калмыцкого народа.

I.

О происхождении калмыков, об их историческом прошлом казаки, несмотря на двухвековое сожительство с калмыками, знают очень мало, или почти ничего не знают.

Мало того, в силу исторических и культурных условий, сами калмыки до недавнего времени имели смутное представление о своем историческом прошлом, пользуясь только сохранившимися в народной памяти историческими легендами, сказаниями, правда, довольно точно передававшими отдельные исторические эпизоды, облик и действия отдельных исторических личностей.

Исторических трудов о Калмыцком народе, стройного, связного изложения его истории, основанного на изучении архивных документов, исторических специальных исследований не было. В русской исторической науке о калмыках почти ничего не говорилось, а редкие и дорогие труды ориенталистов монголо-калмыковедов были мало доступны для широкой массы.

Между тем, взаимное знакомство, духовное сближение казаков и калмыков, веками совместно живущих и в дальнейшем думающих и чающих жить вместе, общими усилиями строить и устранивать свою жизнь, свое бытие, — так необходимо, нужно.

Поэтому считаю великим помыслить дать некоторые исторические сведения о калмыках в пределах Юго-востока б. России, предпослав им в настоящей статье общие сведения о Калмыцком народе.

Происхождение калмыков столь же давнее, как и происхождение Монгольского народа, ибо калмыки являются западной ветвью Монгольского народа. История калмыков до начала XVII в., когда они пришли в район нижне-Волжских степей, является историей Монгольского народа.

Литература, по истории последнего, растет, с каждым годом появляются на разных европейских языках новые и новые капитальные труды по истории Монголии. Система государственного и административного управления монгольских Императоров-Ханов, стратегия и тактика монгольских полководцев — вызывают серьезный интерес у современников и являются предметом внимательного изучения; национально-культурная свобода, широкая веротерпимость практиковавшиеся в необъятной Монгольской Империи, являются идеалом современной общественной мысли.

Одним словом, история Монголии освещается со всех сторон настолько, чтобы вызвать к себе естественный интерес, что является гарантией дальнейшего развития дела изучения монгольской истории.

Тем не менее для казачьей аудитории, для ясности их представления о калмыках, необходимо кратко изложить историю Монголии, т. е. до-Российскую историю калмыков.

История последних, грубо разделяя, распадается на три периода:

1) Монгольский — со времени Чингис-Хана и до падения Монгольской Империи в конце XIV в., когда все монгольские племена были объединены в одном государстве, когда не было центробежных стремлений у отдельных племен и владений.

2) Ойратский — когда, после распада Монгольской Империи, отдельные владения превратились в самостоятельные государственные образования, очень часто враждовавшие друг с другом, а несколько монгольских племен (западные) объединились в один Союз под названием Ойратский, по каковому названию все объединившиеся племена стали называться ойратами.

3) Собственно калмыцкий период, когда, в начале XVII в., Торгоутский Тайджин (нойон, вождь) Хо-Орляк, отделившись от Ойратского Союза во главе своего племени и частей дэрбатов и хошутов, прибыл на Волгу.

В этой последовательности и будет наше дальнейшее изложение.

До того момента, когда на исторической сцене появился Чингис-Хан (Тэмучин) в конце XII и начале XIII ст., многочисленные монгольские племена жили разрозненной родовой жизнью, кочуя на северо-восточном углу Центральной Азии по рекам Орхону, Селенге, Онгону и Керулену на востоке доходя до среднего течения р. Амура, на севере — до р. Селенги и оз. Байкал, на западе до гор Тарбагатай, Алтай, Джунгарии, на юге до Тангутского Царства (область к северу от Тибета), на юго-востоке соприкасаясь с кочевьями татар, граничивших с Китаем. В это время монголы были известны сравнительно мало. Главным их занятием было скотоводство и охота.

Объединение и возвышение монголов начинается со времени Темучина (род. около 1155 г.). Объединив все монгольские племена под своей властью, он в 1203 г. усваивает своему народу в качестве официального наименования прежнее название „монгол“, а в 1206 году провозглашает себя на Курултае (Собрание монгольско-калмыцких вождей, военачальников) Монгольским Императором, под именем Чингис-Хан.

Затем завоевывает соседние народы: уйгуров, корейцев, тангутов, кара-китайцев, Восточный Туркестан; предпринимает победоносные походы в Северный Китай, которым владыка Тангутская династия Джурдженей, в Персию, Грузию, Южную Русь (битва на Калке в 1224 г.).

Во главе войск, действовавших в Китае, кроме сыновей Чингиса, находился известный монгольский полководец Мукалай. Войсками шедшими в Персию командовал знаменитый монгольский полководец Чирмагон. Целью этого похода была поимка и уничтожение единственного Хорезмского вождя Джелаль-ад-Дина, опасного для монголов, сумевшего из нескольких столкновений с ними выйти победителем, про которого сам Чингис сказал, что такого сына каждый отец пожелал бы иметь.

После победы над Джелаль-ад-Дином, войска Чирмагона прошли по Месопотамии, Гуму, Курдистану, Азербейджану, Грузии, Армении. Этот поход напел панику на население и страх у населения перед монголами был настолько велик, что на этом своем пути они нигде не встретили сопротивления. „Трудно представить себе, пишет историк Ибн-ал-Асир, тот панический ужас, который овладел тогда всеми сердцами. Рассказывают, что однажды один монгол ворвался в большое селение и стал избивать его жителей, не встречая ни в ком даже попыток к сопротивлению; в другой раз безоружный монгол приказал своему пленному лечь на землю и не двигаться до тех пор, пока он не вернется с оружием, и тот повиновался этому приказанию, хотя знал, что оружие понадобится монголу для того, чтобы отсечь ему голову“...*)

Во главе корпуса, шедшего в Грузию и возвратившегося через Кавказ и прикаспийские степи, стояли выдающиеся монгольские полководцы Джебе-войон и Субудэй-батырь. Назначение этого корпуса было не столько завоевание новых земель, сколько широкая разведка на Западе, результатом чего и было потом известие Батыею на запад в 1237—40 г.

Битву на Калке в 1224 г. монголы вынуждены были принять против своей воли, так как соотношение сил объединенных славяно-половецких войск (80000) и монгольского корпуса (20000) было неравное. Но монголы, вынужденные принять битву, применили свою тактику: бить врагов по частям: ложно, панически быстро отступили и, когда численность передовых частей увеличилась преследованием войска половцев и славянских князей примерно сравнялась с их силой, монголы, внезапно повернув, дали бой, разбили их, а дальнейшая победа была уже обеспечена.

*) Г. Е. Грумм-Гржимайло-Западная Монголия и Урянхайский Край, т. II, стр. 462.

«Ничто не может удержать стремительного движения новых завоевателей Азии, куда бы они ни направляли своих коней. Рушатся царства, гибнут города и народы. И, в результате, возникает держава, равной которой по пространству не было в мире до тех пор, ни впоследствии.»*)

Чингис-Хан умер в 1227 г. Перед своей смертью завоеванные им земли он разделил между своими тремя старшими сыновьями: Джучи, Джатаягай и Угэдай. Коренные же монгольские земли оставил своему младшему сыну — Тулуя. Впоследствии эта введенная Чингис-Ханом и сохраненная его наследниками удельная система послужит главной и основной причиной разделения и распада этой величайшей Монгольской Империи, созданной усилиями нескольких поколений монгольских императоров.

По словам персидского историка Рашид-эд-Дина, о своей деятельности Чингис-Хан высказывался так: «У степных народов, которых я подчинил своей власти, воровство, грабеж и прелебодейные составляли заурядное явление. Сын не почитовался отцу, младший не признавал старшего, муж не доверял жене, жена не считалась с волей мужа, богатые не помогали бедным, низшие не оказывали уважения высшим, и всюду господствовали самый необузданный произвол и безграничное своеволие. Я положил всему этому конец и ввел у них законность и порядок».

И действительно, «нельзя отрицать, что, дисциплинируя свои войска, Чингис-Хан одновременно дисциплинировал и народ...»**)

«... Пригом под'еме нравственных сил, который был пережит в его время монгольским народом, совершенно допустимо и то нравственное перерождение народных масс, которое сталил себя в заслугу Чингис».**)

О нравах монголов того времени Плато-Карпиня пишет: «Между ними не было ссор, драк и убийств; друг к другу они относились дружески и потому тяжбы между ними заводились редко; жены их были целомудренны; грабеж и воровство среди них — неизвестны».

После смерти Чингис-Хана, на монгольский престол взошел третий его сын Угэдай. При нем продолжались завоевания северного и южного Китая, Туркестана, Армении, Грузии; при этом хане, войсками Батыея, (внук Чингиса от сына Джучи), одним из главных полководцев у которого был старший Субэдай-батырь (бывший на Калке), были покорены аланы, кипчаки, мурда (мокша), покорены все южно-русские и Московские княжества (1237-1240).

В том же году, разделившись на четыре колонны, часть монголов вторглась в Польшу, взяла Сандомир, разбила польское рыцарство под Хмельницком, выжгла Брешлав и Краков; проникла в Силезию и нанесла жестокое поражение соединенным силам поляков и немецких рыцарских орденов под Лигницею (9 апр. 1241 г.). В Моравии, указанные части монгольской армии штурмовали Оломоуц, однако, сняли осаду и пошли в Венгрию на соединение с главными силами Батыея. Этот последний прошел в Венгрию, уничтожил венгерскую армию при р. Шаяве (Сайо) и овладел Пештом. После подхода сюда же четвертой колонны армии, имевшей задачей овладеть Трансильванией, Батый разделил свои войска на несколько колонн, которым и поручил окончить покорение Венгрии. Одна из этих колонн доходила до Вены, другая, под начальством Кадана, сына Угэдая, преследовала короля Бела IV через Хорватию и Далмацию до побережья Адриатического моря, где и закончила свое наступательное движение.

Это движение было прекращено в виду смерти Хана Угэдая в 1241 году, когда все полководцы должны были съехаться на Курултай для избрания нового Хана.

После смерти Хана Угэдая, целых пять лет Монгольская Империя была без Хана, пока в 1246 г. не взошел на престол его сын Гуюк, который продолжал

дело отца и деда. Во время его короткого царствования велась та же завоевательная политика монголов. С 1247 г. совершались походы на Мосул, Диарбекир, в Грузию. Во время этих войн на берегах Дона умер 73-х летний, упомянутый выше, выдающийся монгольский полководец Субэдай-батырь.

Гуюк умер в 1247 г., не оставив прямых наследников. Преемником ему явился старший из четырех сыновей Тулуя — Мёнке, избранный при поддержке Батыея, на Курултае Ханом в 1251 году. При этом Хане была покорена Перенняя Азия. Во главе тщательно подготовленного войска, шедшего в Персию, стоял его брат Хулагу (Улагу). Армия эта в 1255 г. достигла Самарканды и в январе 1256 г. перешла на левый берег Аму-Дарьи. Прибыл в Хорасан, Хулагу в 1256-1257 г. уничтожил орден исмаилитов, завоевал Багдадский халифат. Смерть Хана Мёнке и столкновение с своими сородичами Джучидами (Золотая Орда) не дали Хулагу завоевать Египет.

Мёнке Хан был последним общепризнанным верховным правителем всей территории Монгольской Империи и власть его была неограниченна. Этот то Хан писал королю Людовику гордое письмо: «Именем Бога Вседержителя повелеваю тебе, Королю Людовику, быть мне послушным и торжественно объявить чего желаешь: мира или войны? Когда воля небес исполнится и весь мир признает меня своим властителем, тогда царит на земле блаженное спокойствие и счастливые народы увидят, что мы для них сделали! Но, если дерзнешь отвергнуть повеление божественное и скажешь, что земля твоя отдаленна, горы неприступны, моря глубоки и нас не боишься, то Всесильный, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажет тебе, что можем сделать!»

Мёнке Хан умер в 1259 г. После смерти этого, четвертого по счету от Чингис-Хана, Императора возникает борьба за престолонаследие между братьями покойного Императора — Хубилаем и Арик-Бугой. Первый из них к этому времени приобрел громкую славу своими военными действиями в Китае. В конечном счете побеждает Хубилай и, укрепившись в 1260 г. на престоле, он прославился своими великими делами и мудрым правлением Империей. При нем окончательно слагается Монгольское государство и его собирательный период завершается. Этот Хан окончательно завладел Китаем, низверг Сунскую династию, объявил себя Богдыханом и начал новую монгольскую династию в Китае — Юань в 1271 г., которая существовала почти сто лет, пока в 1368 г. не был свергнут с китайского престола последний монгольский император Тогон-Тэмэр.

Этот хан несколько раз предпринимал походы для покорения Японии, но походы эти не увенчались успехом.

Но, при этом же Хане, наблюдаются и признаки распада Монгольской Империи. Начатая при его востестве на престол междоусобная война не прекращается, а временами принимает такие большие размеры, что требует от императора большого напряжения сил.

Примерная граница этой завершенной Монгольской Империи определяется следующим образом: «Резко очерченная граница единой Империи Востока охватывает весь Китай с Кореей, Индо-Китай, половину Индии, Тибет и Непал, Туркестан, скользит по берегу Персидского залива, языком стигает Месопотамии, Армению, Малую Азию с Дамаской и Алеппо, возвращается назад к Каспийскому морю и Кавказу. Берегом Черного моря уходит к Азовскому по кавказскому побережью, перегибает в Крым, поднимается вверх по течению Днепра примерно на меридиане Смоленска, с запада и с севера огибает Москву, прямой линией на высоте Ярославля уходит на Восток, чтобы линией, провисшей в одном месте к Алтаю и затем выровненной, протянуться через оконечность Байкала прямо к востоку, пройти забайкалье, выйти через амурскую область к Николаевску на Амуре и побережьем Приамурской области вернуться в Корею.»*)

*) Проф. В. Л. Котвич. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии.

***) Г. Е. Грумм-Гржимайло — Западная Монголия и Урянхайский Край, т. II.

*) Вс. Иванов — Мы.

Эпоха Чингис-Хана и его ближайших преемников до Хубилая включительно представляет самый блестящий период монгольской истории как в смысле военного и политического могущества, так и культурного развития.

Но мировой монгольской империи, несмотря на образцовую систему государственно-административного управления, разумное использование сил культурных народов, в силу своей огромности территории, разнородности состава, непрочности тогдашней экономической и культурной связи между отдельными народами, племенами, входившими в ее состав, естественно, трудно было долго существовать как единому целому.

И эта слабость выявляется при Хане Хубилае, когда в 1265 г. вся Монгольская Империя от Багдада до Пекина оказалась охваченной междоусобной войной и которая, благодаря почти одновременной смерти виновников борьбы: Арик-Буги, брата Хана и претендента на престол; Алгуя, правителя Джагатайского улуса; Хулагу, брата Хана, правителя персидского улуса; и Бэркэя, сына Батыя, — с одной стороны и при огромном напряжении всех своих сил со стороны Хана Хубилая, с другой, была приостановлена.

Эта борьба определила основные линии будущего распада Монгольской Империи: 1) Вся Монголия и Китай, где основу власти имела линия Хана Хубилая; 2) в Передней Азии улус Персидский, под властью сына Улагая (Худаягу), третьего сына Тулуя-Абага; 3) в Средней Азии — Джагатайский улус, где в результате борьбы Алгу (внук Джагатая, сын Байдара) и Хайду (внук Угадея, сын Хашина) власть перешла к последнему; и, наконец, 4) На западно-сибирской и восточно-европейской низменностях — Золотая Орда, впоследствии распавшаяся на Ханства: Казанское, Астраханское и Крымское, и где власть имели потомки Джучи.

Тем не менее авторитет Монгольского Императора был еще достаточно высок, власть его была крепка и действительна.

В 1294 г. Хан Хубилай умер и военная партия, во главе с полководцем Баяном, согласно с волей почившего Императора, избрала Ханом Тимура, внука Хубилая.*)

„Царствование Тимура было непродолжительное — он умер в начале 1307 г., но оно ознаменовалось миром, хотя и кратковременным, между Чингисидами и признанием его суверенной власти над всей монгольской территорией от берегов Тихого океана до Днепра, от Амура и оз. Байкала до Ганга, Малакки и Явы. Это был момент мировой истории, когда могла считаться почти осуществленной мечта мирных завоевателей — владычество вселенной“.

После смерти Тимура, по словам историка, пошли „ничтожные правители, недальновидные, слабохарактерные, довольствовавшиеся внешним почетом и гаремной жизнью и отдававшие управление государством в руки людей, умевших пользоваться их слабостями и пороками“...**)

Последний Монгольский Император Тогон-Тэмэр, в связи со стихийным бедствием, когда Китай постигли опустошительные наводнения, землетрясения и засухи, был изгнан восставшими китайцами в 1368 г. и умер у себя на Родине, в Монголии, в 1370 г. Но и после ухода этого императора из Китая, последний часто подвергался нападению со стороны своих соседей монголов, под водительством сына Тогон-Тэмэра — Беликга.

Желая избавиться от подобных нападений, китайцы собрали громадную армию и в 1388 г. в сражении в районе оз. Буин-Нур на голову разбили монголов, взяв в плен 70.000 человек и несметное количество скота. Это грандиозное поражение мон-

голов положило предел военному и политическому могуществу монголов: обаяние и престиж монгольского императора окончательно пали и отдельные части еще недавно великой Империи окончательно распались на самостоятельные государства.

Так распалась эта единственная в мире по своей грандиозности Империя монголов и у последних осталось только то, с чего они, два века тому назад, начали свои завоевания — собственная Монголия.

Принято смотреть на основателя этой Империи Чингис-Хана и его преемников, как на дикарей, разрушителей культуры, неспособных к творческой созидательной государственной работе. Но лучшие знатоки истории монголов и их жизни нам говорят совершенно иное.

„Недавние кочевники оказались не только победоносными завоевателями, но и искусными администраторами. Пользуясь помощью выдающихся людей из среды других народов, в том числе и европейцев, они сумели установить и поддерживать порядок в своих необъятных владениях. Такие Императоры, как Хубилай, много потрудились над усовершенствованием государственного механизма и над распространением просвещения“, — пишет проф. Львовского университета В. Л. Котвич.

„... Но правда часто принималась за выдумку, фантастику, потому что тогдашнему человеку, к какому бы классу он ни принадлежал в Европе, трудно верилось, что где то далеко в Азии, в „языческом“ мире существует государство, во главе которого стоят вчерашние кочевники, дети степей, но которые в культурном отношении далеко превосходят тогдашнюю Европу; страна Великого Хана Монгольского знает и стройное государственное устройство, и налаженные пути сообщения, определенную финансовую систему, правильное регулярное войско с гвардией; знает порох в артиллерию, книгопечатание и бумажные деньги; Великий Хан не христианин, но в своем царстве, даже в своем роде, в своей канцелярии он терпит и христиан и мусульман, и буддистов“, — так пишет проф. Петроградского университета Б. Я. Владимирцев.*)

В другой своей книге тот же Б. Я. Владимирцев пишет, что „Чингис-Хан даже во время своих больших войн и походов никогда не обнаруживал какой то особой жестокости, кровожадности, которая бы превосходила то, что совершалось предводителями войск других народов той эпохи... Сдержанный, дисциплинированный и глубоко-практичный степняк-кочевник, каким был и остался до конца дней своих, Чингис уже из простого расчета не мог и не хотел быть кровожадным убийцей, как никогда не хотел быть бессмысленным разрушителем культурных поселений, хорошо понимая, какую пользу могут доставить земли с оседлым культурным населением своим кочевым господам“...**)

Противореча ходячему в Европе мнению, что все народы в Азии суть „дикие варвары“, — „сво-лочь человечества“, немецкий ученый Д-р Б. Лауфер о монгольском народе вообще пишет: „Но среди этих беспечных детей природы раскинулись полные жизни города, промышленные центры, налаженные пути сообщения и, прежде всего, роскошные храмы и монастыри, местонахождение религиозно-схоластической учености и усердного изучения книг, с их богатыми библиотеками и беспрестанно работающими типографиями, с их коллекцией скульптуры и картин, с их разными факультетами, кафедрами и рефератами“...

„... Мировое историческое значение монголов настолько велико, что нас должно живейшим образом интересовать все касающееся духовной жизни народа, который некогда смог потрясти всю Европу, а ее королей и пап вовлечь в сферу своего влияния. В истории нашего отечества они заклеены яменем варварских орд, на школьной скамье они выставляются нам чернее китайской туши и предтечей пресловутой желтой опас-

*) Хубилай Хан особенно любил астрономию; его громадные астрономические инструменты доселе сохраняются в Пекине, представляя блестящие произведения искусства, не утратившие своего значения и доныне (Энциклопед. Словарь. Брокгауз-Ефрон, т. 38).

***) Хотя другой историк говорит, что племянник и наследник Хулука Хаана — Буянту (1311 г.) был человек высокообразованный и покровительствовал науке (Энцикл. Словарь. Брокгауз-Ефр.).

*) Б. Я. Владимирцев. — Монголо-Ойратский Героический Эпос, Госиздателство, Москва.

***) Б. Я. Владимирцев — Чингис-Хан, изд. З. И. Гржебина, Берлин. 1922 г.

ности. Тем более обязана наука выступить против такого странного определения и приблизить этот народ в общечеловеческом отношении к нашим сердцам. В своих песнях он встает перед нами со своими радостями и горестями, со своей искренней любовью к широкой степи и к горячему степному коню, с трогательной привязанностью к матери, к возлюбленной, к жене. Мы

познаем общечеловеческие и вместе с тем благородные и рыцарские черты этих необузданных сыновей степи, которые некогда стучались в двери нашего отечества такими могучими ударами меча...*)

*) Д-р Б. Лауфер — Очерк монгольской литературы 1927.

Вл. Куртин.

Казачьи Голиоты.

В. Докгаль немного резко назвал „слугами“ всех тех казаков, что готовы стать и в ряды красной армии — лишь-бы не были „осквернены святыни Кремля“ (а при красной армии святыня кремля — мавзолей Ленина).

Есть, конечно, между ними и слуги. В прямом значении этого слова. Это — непомнящие родства, рассказавшиеся. Им было „приятно, тепло и сыро“, другого ничего не искали и, естественно, переселиться уже не могут. Старые пенсионеры, они доживут свой век на остаток того духовного капитала, который им оставили Царь-колокол, Царь-пушка и идиллический, абстрактный „Богоносец“. Они будут брюзжать еще на всех, кто не приходит в умиление от их „славного прошлого“. Их немного. И пусть себе брюзжат на здоровье.

Большинство-же оквалифицированных „слугами“, далеко уж не такие „слуги верные“, каковыми иногда кажутся и как иногда стараются уверить в этом других. Это просто напросто не освобожденные еще от состояния сугестии (внушения) казаки. А что они еще не пробудились, так это лишь потому, что они-то как раз и есть — „оторванные интеллигенты“. Но все-ж казаки, что доказывает наличие у них полной коллизии врожденного с приобретенным, натуры с привычками. Потому-то они и блуждают между „Наказным“ и „Волею народа избранным“, между „так точно“ и — „выдачи нет“.

И эту двойственность, как шила в мешке, им утаить никак не удастся. Видят ее прекрасно, как и те, к кому они хотели бы пристать, так и те, от кого не хотели бы отстать. Они как мужик, привыкший к крестному знамени: крестятся даже и тогда, когда венчают, говорят о Москве даже и тогда, когда о ней вовсе и не думают. Несутся в Москву, куда их никто не зовет и оглядываются на Дон и Кубань... А с таким арьергардом их там желают менее всего.

Для вольных казаков они не опасны. Ибо, слава Богу, безоговорочных и среди них мало. А раз уж дошли до сговора, значит, что на них уж перестают действовать сугестивные средства: „словестность“, школа, язык, импозантность величия („Ростом миру по плечо“) и т. д. И, без сомнения, не далек тот час, когда они, не договариваясь, заговорят общим языком Вольного Казачества, которое уж, как таковое, и будет договариваться с кем найдет нужным.

Ибо, главная то сила казачьего народа — казак-станичник — „внушению“ поддавался слабо, а боролся с ним кроваво. И самостоятельность его стара, как и само казачество. И сколько-бы ни блуждал казак интеллигент по беспутью, инстинкт покажет ему, где свои. Как и в старину бывало: блукав, блукав козак, тай до-блукавсь до Дуная и задумавсь:

... „Чи втопиться, чи с коня вбиться,
Чи назад воротиться?“

И не сделал ни первое, ни второе, ни третье, а переправился за Дунай — к своим. И чем скорее поступят так и наши „путейцы“, тем будет лучше, для них-же.

В истории имеется достаточно примеров, чтобы видеть, куда могут довести гипноз и внушение. Например, большой воинственный народ Иллиры исчез так, что от него ныне ни следа ни помину. Хотя его не уничтожил сружьем римские легионы, а до старости народа далеко было. Исчезли Иллиры в мирной обстановке, молодым народом. Просто напросто, забыли са-

мих себя, романизировались. А небольшое славянское племя, хорваты, узкой лентой пражавшееся к Адриатическому морю, подверженное всем ударам римской культуры, латинизации, пригнущенное с севера немцами, с северо-востока венграми, а от единоплеменных и единоплеменных сербов отделенные непроходимыми горами — самое себя не забыло и свое „я“, со всеми его специфическими особенностями пронесло и до наших дней.

Конечно, и здесь были непомнящие родства, „слуги“, не представлявшие себе возможным самое физическое бытие хорват вне объятия — Рима, Веча (Вена), Пешты (Будапешт)... Смотри потому, кто в данное время являлся барином. Были и здесь готовые лечь костьми за „Апостольное Величество“ и „Sancta Sanctorum хорват“ — Беча (Вену).

А за ними и хорватский „Чово-Голиот“*) не только готов был лечь, но и домылся в первых рядах — во славу хорватскую, а в удовольствие и благоденствие Беча и Будам-Пешта. — Охранял царство от турок, держал границы, бил итальянцев и — платил, платил... А за свою „службу верную“ получал „милостивейшие грамоты“ да бурдюжные мосты, как и „доблестное Казачество“ от Sankt-Petersburga.

Но езгра**) — то народа — tezaci — были и остались хорватами, несмотря на принудительное итальянизирование, онемечение, — несмотря даже на такие сильные гишотизирующие средства, как Воинствующая Католическая Церковь с ее иезуитами, доминиканцами, иезуитами и т. д., вплоть до св. Инквизиции.

Езгра эта и спасла целый народ от растворения в немецко-итальянском море. А вот интеллигенция-то так было „оторвалась“ от народных масс, что и языка-то своего материнского не знала. Да и знать его не хотела. Заорало было.

Но были среди интеллигенции, единицы, правда, — единицы, которым свое маленькое родное было куда дороже всего „скащенного царства“ и которые в конце концов и довели хорватский народ до Народного Веча (вече — Рада). И уж Вече само заговорило одним языком с братьями „по ту сторону Савы и Дрины“ и образовало с ними единое свободное государство.

По сколько эти хорватские „маджароны“ и „тальянаши“ ала принесли родившему их пароду! Как долго хорватским „самостийникам“ нужно было бороться, сколько напрасных жертв принести, чтобы уверить своих „путейцев“ в жизнениности и спасительности такой простой истины: — думайте вы о своем родном хорватском (точнее южно-славянском), а о Бече (Вене) пусть лемцы думают...“

И другой пример: Дубровник, эта маленькая Республика, сумевшая сохранить свою фактическую независимость от всех соседей. Все равно каких: чужих или родственных по крови и языку.

По свидетельству Константина Багрянородного, Дубровник основали беженцы из Римского города Эпидавруса, который разорвали славяне в начале 7-го века. Эти беженцы — римляне — составили ядро населения Дубровника, которое впоследствии славянизировалось и уже в XIII веке народным языком становится язык славянский. Дубровник управлялся своим вечем, имел

*) „Чово“ — сокращенно: человек. „Голиот“ — голиаф, зьей силою распоряжаются другие.

**) jezgra — ядро, сердцевина: